

лише свободу та мир, але також захист та тісне співробітництво», запросив її до справи «оновлення» імперії. «Він був, – як писав відомий православний філософ-богослов Г.Флоровський, – глибоко переконаний у тому, що християнство – це єдина сила, яка могла відновити життєздатність у хворому тілі імперії»⁵⁹. Історія підтверджує, що основні складові політики Константина Великого щодо релігійної сфери за роки його правління практично не йшли у розріз з принципами Міланського едикту. Вони, до речі, одержали свій подальший розвиток у цілому ряді указів імператора. Зокрема, за Константина Християнська Церква набула прав юридичної особи. Були амністовані ті християни, яких судили за те, що вони «не служили ідолам», а також вжиті заходи щодо свободи навернення в християнство, зокрема іудеїв. За будь-яке переслідування іудеїв, навернених в християнство, імператор погрожував жорстокою карою тим, хто це робив. До того ж, за перехід в «ненависне йому іудейство він погрожував також покаранням»⁶⁰, хоча це й суперечило принципу свободи віросповідання, проголошеному тим же Міланським едиктом.

Варто зауважити, що Костантин, відкрито й послідовно виявляючи свою прихильність християнству, значний період твердо дотримувався букви і духу Міланського едикту і не робив різких кроків щодо обмеження свободи віросповідання adeptів національної та інших релігій. Він залишався беззаперечним зверхником національної релігії, її верховним жрецем – Pontifex maximus. Хоча відверте сприяння імператора розповсюдженню християнства і надання християнській Церкві значних преференцій ставало на перешкоді свободі прихильників політеїстичних релігій.

Християнство поступово поставало як державна релігія. Йшло воцерковлення всіх сфер життя в Римській імперії. На зміну «державному римському політеїзму прийшло християнство, яке одержало державний статус».

Однак, незважаючи на проголошення свободи релігії, віротерпимості, переслідування в імперії відновилися знову, як тільки серед християн появилися вільнодумці-єретики. В боротьбі з ересю, а зрештою і з свободою совісті, християнська Церква активно використовувала меч держави.

Аркадій МЕЛЕР (Москва, Россия)

КОНСТИТУЦИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЫ: МИЛАНСКИЙ ЭДИКТ 1700 ЛЕТ НАЗАД ЗАЛОЖИЛ ОСНОВЫ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

В этом году христианский мир отмечает 1700-летие издания Миланского эдикта императора Константина Великого (272–337), провозгласившего свободу христианской веры и положившего начало единой европейской цивилизации, объединенной общим религиозным мировоззрением. По своему непосредственному влиянию на развитие «европейского человечества» Миланский эдикт невозможно сравнить ни с одним историческим событием ни до, ни после него. У античной Европы не было единого мировоззрения, а поэтому не могло быть события, отмечающего начало античности именно

⁵⁹ Фроловський Г. Імперія та пустеля // Дух і Літера. - К.: Сфера. – № 3-4. – С. 235, 236.

⁶⁰ Див.: Кипарисов В. О свободѣ совести – М., 1883. – Вып I. – С.152.

как мировоззренческой эпохи. Европа модерна, на первый взгляд, обладала общим секулярным мировоззрением, но оно так или иначе всегда было сопряжено с прежним христианским фундаментом и не имело своего осевого события, растянув свои роды на несколько веков новых мирных договоров и революций. У христианской Европы такое событие – именно Миланский эдикт 313 года, название которого забывают последним из всех событий, связанных с христианизацией Римской империи.

Между тем в истории самого христианства издание Миланского эдикта никогда не праздновалось с должным размахом, подобно тому, как и Крещение Руси в нашей стране стало отмечаться только начиная с 1888 года. Такого рода события было трудно адекватно вписать в церковный календарь, и их память скорее носила чисто светский характер, как какие-нибудь военные победы. В литургической традиции все этапы триумфального воцарения Римской империи собирательно воплощены в празднике Крестовоздвижения, в память установления в новопостроенном иерусалимском храме Гроба Господня креста Христова, обретенного в 326 году матерью Константина, императрицей Еленой.

Что же касается Миланского эдикта, то, не успев обрасти сказочными домыслами, это событие уже в XIX веке было подвергнуто максимальной научной демифологизации, вплоть до гипотезы скандального немецкого историка Отто Зеекка (1891) о том, что никакого Эдикта вообще не было. Однако христианская Церковь меньше всего нуждается в какой-либо лубочной мифологизации своего прошлого, и обстоятельства Миланского эдикта подробно изучались церковными историками, поскольку без этих обстоятельств невозможно понять, как это событие оказалось вообще возможным в государстве, где еще совсем недавно христиане подвергались массовым репрессиям. Достаточно привести фундаментальное исследование профессора Санкт-Петербургской Духовной академии Александра Бриллиантова «Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 года» (1914), исчерпывающе освещающее все возможные источники по этой теме. Сведения о Миланском эдикте мы знаем из двух основных источников о политике Константина, написанных его приближенными: латинского сочинения «О смертях преследователей» (XLVIII) домашнего учителя будущего императора, христианского ритора Фирмиана Лактанция и греческой «Церковной истории» (X, 5. 2-14) епископа Евсевия Кесарийского. При этом греческий текст был переведен с латинского, а латинский сохранился в единственном экземпляре и был опубликован только в 1679 году в Париже. Разумеется, оба свидетеля эпохи Константина не могли не отметить столь важное деяние своего императора, оправдывающее для них все его правление.

Империя против Церкви. Было бы несправедливо утверждать, что история христианства в Римской империи первых трех веков была историей сплошных гонений. Сама Римская империя как государственная система была относительно толерантна к вероисповеданию своего населения, и не столько потому, что боялась религиозных конфликтов, сколько потому, что не имела внятно выстроенной официальной религии, способной привлечь к себе иные народы. Господствующей религией был разве что совершенно искусственный «культ императорского гения», введенный главным заказчиком римской имперской мифологии Октавианом Августом незадолго до того, как на восточных границах империи родился Иисус Христос. Многие монархисты любят подчеркивать это совпадение во времени режима основателя римской имперской традиции и рождения основателя победившей монотеистической религии. Но они забывают, что именно

введенный этим монархом культ стал главной причиной большинства антихристианских репрессий: культ императорского гения требовал ритуального поклонения от всех граждан, что было совсем несложно для язычников, но невозможно для христиан, отказывающихся не то что приносить жертвы, но даже склонять колени перед любым языческим капищем.

Однако неизбежность этого культа напрямую зависела от воли императора: ведь одни из них почти не вспоминали о нем и позволяли христианам вздохнуть свободно, а другие шли еще дальше и провозглашали богами самих себя. Были случаи откровенного самодурства, как при первом гонителе Нероне, а были случаи прямой мировоззренческой конкуренции, как при стойке Марке Аврелии, от которого христиане испытали крупнейшие гонения за весь II век.

Но никакие гонения не могли сравниться с теми, которые пришлось пережить Церкви при последнем языческом императоре Диоклетиане, правившем империей более 20 лет и «под занавес» своего правления, в 303–304 годах, устроившего христианам настоящий геноцид. В то же время именно Диоклетиан положил начало конца прежней системы, когда в 293 году разделил империю на четыре части и установил тетрархию, при которой каждые 20 лет двоих старших императоров – августов должны были сменять младшие – цезари. Столицей восточной части империи стал малоазиатский город Никомедия, где обосновался сам император, а западной части – город Милан. Добровольно оставив власть в установленный срок, Диоклетиан спровоцировал неизбежную войну остальных тетрархов, приведшую к тому, что уже через год империю делили между собой шесть цезарей, при этом как будто бы соревнуясь друг с другом, насколько много новых мучеников каждый из них может прописать в церковном календаре. За одним уникальным исключением, которым был цезарь Галлии и Британии Константин, сын недавно скончавшегося тетрарха Констанция Хлора и его первой жены Елены, который не только не участвовал в преследованиях христиан, а прямо покровительствовал Церкви, и чем дальше, тем больше. В 308 году в городе Карнунтуме, в Паннонии, состоялся съезд всех тетрархов, которые смогли договориться и разделить между собой империю, чем только закрепили ее дальнейший распад.

Религия гонимого меньшинства. Что заставило Константина обратиться к христианству – отдельная тема, но, вопреки расхожему мнению, можно точно сказать, что никаких непосредственных выгод это обращение ему не несло. В отличие от киевского князя Владимира, который вместе с принятием Христовой веры в конце X века приобщился к самой развитой на тот момент цивилизации, Константин в начале IV века мог увидеть в Церкви не более чем неплохо разветвленную религиозную организацию с очень странным мировоззрением, во всем противоположном римскому аристократическому духу. Это мировоззрение было нетерпимо к другим мировоззрениям, не обещало никакого счастья на Земле, не позволяло восхищаться имперским могуществом, не признавало таких фундаментальных основ римского этоса, как честь, героизм, слава, богатство, патриотизм, «здоровый дух в здоровом теле». А что касается социально-экономического элемента христианской проповеди, то, по верному наблюдению историка Бориса Мелиоранского, он блистал своим отсутствием.

В количественном отношении христиане занимали максимум 10% от всего населения крупных городов, по всем критериям это была религия гонимого меньшинства, и она не могла представлять интерес для любого политика, нацеленного на карьеру. Другой вопрос, что отдельные христиане уже давно встречались и среди самой аристократии, и

в непосредственном окружении императоров: например, жена и дочь самого Диоклетиана были христианками до тех пор, пока он не потребовал у них отречься от своей веры. Правда, с тем же успехом среди элиты можно было встретить и платоников, и гностиков, и митраистов, и сторонников модного тогда монотеистического культа «Непобедимого Солнца», который еще в 274 году император Аврелиан провозгласил официальной религией, но вскоре после этого умер. Но из всего этого разнообразия Константин выбрал именно христианство, и нет никаких оснований полагать, что оно могло бы возобладать без его участия.

В 311 году управляющий восточной частью Римской империи в Никомедии тетрарх Галерий, зять и преемник Диоклетиана, бывший главным идеологом антихристианской политики, смертельно заболев неведомой болезнью, решил замириться с «богом христиан», издав так называемый Никомедийский эдикт, по которому христиане получили свободу, но только с условием «молиться за республику». Никомедийский эдикт был провозвестником Миланского, но это был именно договор с христианами, действующий на определенной территории. В самом Риме с 306 года крепко засел узурпатор Максенций, сын ушедшего на покой августа Максимиана, соправителя Диоклетиана, который поначалу объявил себя главным защитником старых римских традиций. Но его тирания была столь вопиющей, что даже языческие историки признали его поведение настоящим подарком для Константина; а съезд тетрархов в 308 году и вовсе объявил Максенция вне закона. Поэтому Константин в 312 году относительно легко взял некогда неприступный Рим, разбив Максенция у Мульвийского моста, и вся западная часть Римской империи оказалась под его властью, а следовательно, все христиане Италии, Испании и северо-западной Африки были освобождены.

К этому моменту последним реальным конкурентом Константина остался личный преемник Галерия, август Лициний (263–325), с которым они решили встретиться в формальной столице западной части империи, городе Милане (Медиолане), и обсудить условия раздела империи, по которому первый остается править западом, а второй – востоком. Именно там в 313 году Константин предложил Лицинию подписать совместное обращение к наместникам провинций, впоследствии получившее наименование Миланского эдикта. По прибытию в Никомедию Лициний 13 июня объявил соответствующий указ своему наместнику, текст которого и цитирует Лактанций.

Империя вместе с Церковью. Миланский эдикт Константина–Лициния принципиально отличается от Никомедийского эдикта Галерия. Во-первых, как и в эдикте Галерия, в этом обращении была провозглашена свобода вероисповедания, но теперь она распространялась на всю территорию Римской империи. Этот эдикт знаменовал собою апофеоз римского либерализма и стал прообразом всех деклараций о веротерпимости Нового времени. Во-вторых, подлинная мотивация Константина заключалась, конечно, не в том, чтобы легализовать все религии, а именно в том, чтобы дать «зеленый свет» христианству. Миланский эдикт не провозглашал христианство государственной религией, но обеспечил ему свободу и акцентировал особое покровительство власти. Не случайно из всех религий в этом эдикте особо оговаривается только христианство: отныне христиане могут свободно почитать своего Бога «без какого бы то ни было беспокойства и тревоги для себя». В-третьих, если Никомедийский эдикт ставил христианам условие молиться за благополучие республики и императора, то Миланский эдикт не только не выдвигал христианам никаких условий, но и фактически был формой

прощения со стороны римской власти за вековые гонения. В соответствии с его текстом все земли, помещения и храмы, которые когда-либо принадлежали христианам и были отняты властью или конкурирующими религиями, должны были быть возвращены им «немедленно» и «без какой-либо платы», а если кто-то успел купить их или получить в дар, то государство брало на себя функцию компенсировать потерю. Особо подчеркивалось, что этот приказ должен был быть донесен до всеобщего сведения и ни для кого не остаться неизвестным

Возникает законный вопрос: а зачем нужно было Константину издавать этот документ общеимперского значения, если на его территории христиане уже были свободны, а с Лицинием можно было договориться об их судьбе на словах? Ответ прост: потому что антицерковные указы Диоклетиана 303–304 годов до сих пор никто не отменял, и все тетрархи имели законное право творить антицерковный террор, чем они и занимались, кроме Константина. И если тот же Лициний еще не успел проявить особого рвения в этом направлении, то его наместник в Египте и Леванте, восставший против него самого, тетрарх Максимин Даза отличился редким садизмом по отношению к христианам. Теперь же указы Диоклетиана были отменены, а что до самого основателя тетрархии, отошедшего от дел и мирно выращивающего капусту в своем балканском поместье, – он, по всей видимости, не выдержал такого удара и умер в конце 313 года, а по сведениям языческих историков, вообще покончил с собой.

Испытание победой. Историческое значение Миланского эдикта состояло не столько в том, что он ввел свободу вероисповедания и освободил христианство, сколько в том, что именно с него начался пока еще негласный союз двух великих организаций – Церкви и империи, а вместе с ним объединение двух великих культур, определивших лицо европейской цивилизации, – культуры христианства и культуры античности. И в этом новом историческом синтезе не было никакой предопределенности: ни в коем случае нельзя говорить, что Константин лишь ускорил «объективно неизбежный процесс». Судьба христианства могла сложиться совершенно иначе, так что политика Константина свидетельствует о роли личности в истории. Также и само христианство было не столько «объективно востребовано временем», сколько проявило беспрецедентную историческую активность. Да, христианство в начале IV века было религией меньшинства, но это была религия самого активного, самого организованного и самого воодушевленного меньшинства, прошедшего множество нечеловеческих испытаний и объединенного исключительно общей верой. Вместе с этим стоит заметить, что Миланский эдикт открыл двери христианских храмов в обе стороны – и не только мир смог свободно входить в пространство Церкви, но и сами люди Церкви, прежде ютившиеся по катакомбам и конспиративным домам, смогли выйти в мир. Для многих христиан, привыкших к своему маргинальному положению как норме, это стало тяжелым испытанием, а тем более тяжелым испытанием было увидеть в империи своего нового союзника, а не вечного гонителя.

Похожий переворот испытывали многие православные люди с крушением советской власти, когда исчез страх за участие в тайных собраниях и квартирных литургиях, а вместе с ним исчезла и их романтичность, а на месте тесной, но обжитой катакомбы оказался огромный и непривычный собор, наглядно воплощающий собой вселенские претензии христианской веры.

После Миланского эдикта произойдет еще много событий, отмечающих собой как наступление, так и отступление христианства. Впереди еще будет дипломатическая свадьба Лициния с сестрой Константина, а также война Константина с Лицинием,

объявившим себя последним защитником язычества и потерпевшим поражение в битве при Адрианополе в 324 году. Впереди еще I Вселенский Собор в Никее 325 года, созданный самим Константином; основание Нового Рима – великого города Константинополя в 330 году. Впереди еще затяжная конфронтация православных и ариан, междоусобица сыновей Константина, воцарение Юлиана Отступника и, наконец, приход к власти императора Феодосия Великого (346–395), провозгласившего христианство официальной религией Римской империи. Именно Феодосий I Великий и его внук Феодосий II полностью подчинят империю интересам Церкви – Константин же не запрещал никакие иные культы, оказывая лишь личное покровительство христианству. Следствием этого покровительства окажется тот мир, в котором понятие человеческой личности станет не только театральной маской или юридической формальностью, а обретет реальное метафизическое содержание как образа и подобия Божия.

Статтю передруковано з газети «НГ-РЕЛИГІЯ» від 16 жовтня 2013 року.

Валерій КЛИМОВ (Київ, Україна)

МІЛАНСЬКИЙ ЕДИКТ І ЄВРОПЕЙСЬКА ТРАДИЦІЯ НАУКОВОГО ОБҐРУНТУВАННЯ НОРМ РЕЛІГІЙНОЇ СВОБОДИ І ВІРОТЕРПИМОСТІ

Міланський едикт (313), Нантський едикт (1598) і його скасування (1685), Акт віротерпимості (1689), прийнятий в Англії, стали своєрідними віхами, у яких знайшла відображення стурбованість світських і релігійно-церковних влад масштабними й тривалими релігійними конфліктами, що час від часу переростали у релігійні війни, які дестабілізували держави й суспільства. Скасування Нантського едикту, зокрема, у якому свого часу спробували закріпити окремі норми віротерпимості, рівності релігійних віросповідань, стало сигналом для нового сплеску релігійних переслідувань у Франції й інших країнах, запровадження репресивних і дискримінаційних заходів у релігійній сфері.

Цілий ряд філософів, істориків, теологів бачили свою місію в науковій розробці шляхів нормалізації міжконфесійних, державно-церковних відносин, апелюючи при цьому до утвердження норм і принципів релігійної свободи й віротерпимості, як би останні не розходилися з установками й пріоритетами, що склалися у тому або іншому суспільстві. У дослідженні цієї проблематики особлива роль належить групі англійських і французьких мислителів, які бачили вихід у реалізації принаймні трьох ідей: ідеї забезпечення рівності всіх релігій у суспільстві, утвердження релігійної свободи як свободи людини дотримуватися релігійних поглядів і переконань згідно зі своєю совістю, ідеї релігійної терпимості, яка впливала із двох попередніх положень.

Позиція мислителів щодо цих питань обумовлювалася, принаймні, декількома факторами: по-перше, реаліями суспільного й духовного розвитку Європи XVII–XVIII ст.; по-друге, результатами попереднього різновекторного за змістом й характером інтелектуального розвитку, зокрема, його гуманітарно-антропологічної гілки; по-третє, суперечливими процесами в самому релігійно-церковному комплексі, процесами реформування, догматизації, конфесіоналізації, секуляризації та ін.; по-четверте, вузьким